Интернет против Телеэкрана, 19.07.2007

Кто должен быть за социализм?

В первом номере журнала «Альтернативы» за 2007 год опубликован обзор научной конференции «Социализм после социализма: новый интеллектуальный вектор в постсоциалистических странах».[1] Конференция состоялась в декабре 2006 г. в Институте экономики РАН. Казалось бы, солидный академический состав конференции (академики, члены-корреспонденты, директора научных институтов, доктора наук, научные сотрудники) должен был обеспечить соответствующий научный уровень выступлений. Однако даже краткий обзор докладов, помещенный в журнале, оставляет удручающее впечатление. «Новый интеллектуальный вектор» насквозь пропах нафталином. После двадцати лет национального позора и геноцида ученые мужи продолжают повторять шаблоны четвертьвековой давности. Впору согласиться с Гадамером, что все они «грезят на своем языке». Конференция напоминала колонию динозавров, уцелевшую в каком-то заповедном реликтовом лесу наподобие академических учреждений. Вихри враждебные, веющие над страной подобно смертоносному самуму, их не коснулись.

Даже как-то неловко повторять эти академические грезы. Но научная добросовестность обязывает. Один ученый муж видит в современном умертвлении России «мучительный переход от бюрократического общества советского типа к свободному и демократическому» (с. 69). Страна стонет под игом чиновничьей шайки; бюрократизм проник даже в те сферы, где его никогда не было; образовательные и медицинские учреждения скоро сгинут под кипой бюрократической отчетности; все поры общества пропитаны коррупцией; каждая чиновничья должность превращена в кормушку; госаппарат перестал выполнять какие-либо социально-значимые и созидательные задачи, а перешел к откровенному паразитизму, а ученый муж все талдычит о переходе от бюрократии к демократии. Впрочем, Россия действительно свободная страна – свободная от свободы и демократии.

Другой ученый муж требует «ликвидации рабских форм труда» и «сохранения всех видов собственности» (с. 70). Рабовладельческой, что ли? Ведь сказано: «всех». Если же автор имел в виду сохранение частной собственности наряду с государственной, то как он мог не заметить того *исторического факта*, что на протяжении всего своего существования частная собственность всегда приводила и всегда требовала именно «рабских форм труда»: от рабовладения и крепостничества до наемного рабства. Требование упразднения частной собственности – это и есть требование ликвидации «рабских форм труда», и без решения первой задачи нельзя достичь и второй.

Третий ученый муж полагает, что «сейчас мало кто задумывается, что и европейский, и американский опыт не беспорочен» (с.71). Непонятно только, о ком идет речь? Те, кто имеет привычку «задумываться», уже давно поняли, что западный опыт глубоко порочен. Если же речь идет о баранах, то они вообще вряд ли задумываются над такими вещами и понимают что-либо только тогда, когда об этом скажут в телевизоре. Тем более странно слышать такие утверждения от академика не какой-

нибудь бразильской, а российской академии наук. В России о порочности «западного опыта» задумываются не со вчерашнего дня. Представители «старого интеллектуального вектора», в частности, славянофилы, твердили об этом аж с 30-х годов XIX века.

Странно звучит и тезис о неудаче «реального социализма», поскольку он, дескать, «не выдержал соревнования с Западом» (с. 70-71). Термин «соревнование», может быть, и толерантен, но не адекватен. Безжалостная схватка за ресурсы, жестокая конкуренция, борьба за существование – это не соревнование, это война. Спору нет, Советский Союз под конец своего существования стал отставать в конкурентной борьбе с Западом. Однако вопрос, имеет ли «социализм» какое-либо отношение к этому отставанию? Андрей Паршев в своей блестящей работе «Почему Россия не Америка» достаточно доходчиво объяснил основные геополитические и экономико-географические факторы отставания России. Людям, претендующим на новый интеллектуальный вектор, не мешало бы освоить идеи этой книги. Однако до сих пор не перевелись динозавры, которые продолжают утверждать, что «социализм пал, так как не обеспечил уровень жизни, сопоставимый с западными странами» (с. 77). А что, российский капитализм его обеспечил? Так что же он не падает? Увы, но, ни капитализм, ни социализм не превратят Воронежскую или Вологодскую область в Майами или Неаполь. Климат не тот. Бананы на елке расти все равно не будут.

Пора, наконец, отделить мух от котлет и на научном уровне, а не на уровне дешевой бульварной публицистики определить, что в поражении СССР приходится на долю объективных, а что – на долю субъективных факторов. Играл ли вообще здесь какую-то роль такой фактор, как «социализм»? Но, похоже, что в академических кругах, нет интереса разбираться в этой проблеме. Как ни убедителен Паршев, думается, что главную роль в бесславном конце советской истории сыграли причины не объективного, а субъективного характера. А именно, просчеты, если не сказать бездарность, недееспособность и просто продажность политического руководства. Или ученое собрание считает, что политическое руководство страны за последние тридцать лет денно и нощно пеклось о процветании державы, но вот беда, социализм подкачал! И лидеры у нас были прекрасные, и сами мы хоть куда, да вот система оказалась, понимаешь ли, не та. Пора, наконец, посмотреть правде в глаза и не валить на «социализм» собственную неспособность справиться с решением национально-государственных задач.

Кстати, о решениях. Что говорить о политических лидерах, если доктора наук после пятнадцати лет оголтелой капитализации продолжают призывать «возвратиться к частной собственности» (с. 77) и видят в этом панацею от нищеты и всех прочих российских бед. Совет, который еще мог восприниматься лет двадцать тому назад, но который в современной России равносилен совету врача,

прописывающему голодную диету пациенту, страдающему дистрофией. Хочется спросить: родной, который год на дворе? Ведь давно уже возвратились. Уровень жизни опустился ниже унитаза. Правда, капитализм от этого не падает, а только крепчает.
Далеко ли уедешь с такими советчиками? И не в них ли одна из причин нашего поражения? Ведь политические лидеры – не боги, а зачастую и малообразованные люди. На выработку политических решений немалое влияние оказывают рекомендации научных кругов. И если там задают тон такие, как, например, пещерный Ципко, продолжающий отравлять атмосферу миазмами антикоммунизма, то для страны это представляет опасность большую, чем землетрясение или эпидемия чумы. Не частная собственность, а кадровая проблема – вот истинная беда России, как советской, так и нынешней. К сожалению, отдельные здравые и толковые выступления, как, например, у С. Дзарасова или С. Кара-Мурзы, как-то терялись в общем хоре людей, продолжающих мыслить категориями горбачевской «перестройки». «Новый интеллектуальный вектор» оказался старой конъюнктурой, безболезненно сменившей апологетику плановой экономики на апологетику рыночной. Как говорится, другие времена – другие песни.

Впрочем, все это присказка, не сказка. Главный центр тяжести современной дискуссии о социализме лежит совершенно в другой плоскости. Дискуссия показала, что все её участники – как противники социализма, так и его защитники – совершенно выпускают из вида геополитический аспект этой проблемы. Складывается впечатление, что и бывшие, и нынешние марксисты дружно пытаются замолчать (или не замечать) тех фактов, которые не вписываются в привычные для них теоретические схемы. События XX века, а особенно национально-государственные катаклизмы последних двадцати лет выявили недостаточность традиционных марксистских представлений о ходе и закономерностях исторического процесса.

Специфическая черта марксизма как теоретической системы взглядов – игнорирование и даже прямое отрицание самостоятельности и приоритетности национальных интересов перед интересами классовыми. Согласно марксизму, в основе исторического развития лежат *социальные*, а не национальные конфликты. Последние, даже если и имеют место, являются *превращенной* формой классового антагонизма, а то и просто ширмой, «предрассудком масс», который верхушка использует в своих корыстных классовых интересах.

Правда, такое понимание истории – как проявления и развития социально-классовых конфликтов – оказывается в противоречии с историческим материалом и не в состоянии объяснить самих *исторических фактов*. Каким социально-классовым конфликтом можно объяснить греко-персидские войны V века до н.э.? Какой социальный антагонизм вызвал завоевательные походы Александра Македонского или войну между Римом и Карфагеном? Какое отношение имеет классовая борьба к нашествию Чингисхана или Батыя? Из каких

классовых соображений Наполеон вторгся в Россию? Какими интересами руководствовались деятели европейской социал-демократии, когда в 1914 году голосовали в парламентах за предоставление своим правительствам военных кредитов? Вопросы такого рода можно множить до бесконечности. И речь идет не о каких-то малозначительных событиях в истории, а о таких, которые на столетия определили судьбы целых народов и государств. Недостаточность классового анализа при объяснении исторических событий давно ощущалась в исторической науке.[2] Советские историки умели обходить это затруднение, заменяя «классовый» анализ «экономическим». Например, известный советский историк С.Я. Лурье, усматривал экономическую подоплеку Троянской войны в борьбе микенских греков и малоазийских троянцев за черноморский хлеб, точнее, за контроль над торговыми путями и доходами от транзитной торговли. Допустим, что так. Но что из этого следует? Перед нами классический случай *межэтнической* конкуренции на экономической почве.[3] Никакого социального конфликта здесь нет. Экономический конфликт еще не есть конфликт классовый. Верно, что всякий классовый конфликт имеет экономическую природу. Но не всякий экономический конфликт имеет классовую природу.
Два брата делят отцовское наследство. Дело доходит до поножовщины и убийства. Экономический конфликт налицо, но где классовый? Муж и жена заняты дележом имущества при разводе. Дело доходит до судебного разбирательства. Экономические интересы сторон понятны, но есть ли тут классовые? Венгерский и французский крестьянин в кровавой драке решают вопрос о рынке сбыта для своей продукции. Конфликт экономический? Бесспорно! Классовый? Но обе враждующие стороны принадлежат к одному социальному слою! Половцы совершают набеги на Русь – чтобы пограбить. Русские князья совершают походы на половцев – чтобы пограбить. Обе стороны таким путем решают свои экономические проблемы. Межэтническое столкновение очевидно, но где здесь классовый конфликт?

Понимание истории через призму социально-классовых конфликтов чересчур узко. Ни один добросовестный историк не может удержаться на этой точке зрения. При таком подходе многие исторические события оказываются вообще недоступны для понимания. Строжайшее табу, наложенное марксистской теорией на исследование общественных конфликтов иной природы, нежели классовые, сослужило плохую службу и самой теории и практической политике. Нельзя отрицать в классовом обществе наличие межклассовой и внутриклассовой конкуренции. Но столь, же ошибочно не замечать наряду с ней конкуренции межэтнической, а в эпоху национальных государств – национально-государственной. Именно геополитические (национально-государственные) противоречия являются базовым антагонизмом в истории, вокруг которого и на основе которого развертываются все остальные социальные конфликты.

Понятно, что в обществе все процессы взаимосвязаны. Это трюизм. Национальные, классовые, клановые, личные интересы образуют самые

разнообразные сочетания, и всякий раз накладывают индивидуальный отпечаток на ход исторических событий. Но если мы хотим остаться на почве исторических фактов, следует, наконец, признать, что национальная (геополитическая) борьба является самостоятельным и ведущим фактором исторического процесса.
Иначе говоря, классовый антагонизм не является единственной причиной исторических событий. Думать, что в обществе существует только конкуренция классов, т. е. социальных групп, значит закрывать глаза на факты. Необходимо различать три основных вида социальной конкуренции, каждый из которых обладает относительной самостоятельностью: межличностную, классовую и межэтническую (национально-государственную). Базовым историческим конфликтом, который – по крайней мере, до сих пор – определял динамику исторического процесса, является не столько классовый, сколько национально-государственный антагонизм. За собственность и власть, за источники сырья и жизненное пространство, иначе говоря, за *ресурсы развития* конкурируют не только индивиды и социальные группы, но и этнические общности, в том числе и организованные в государство.[4]
Могут спросить: а причем тут социализм? Какую роль он играет в национальной борьбе? Как соотносится решение социальных задач с национально-государственными? Начнем с фактов.
Первый факт, с которым мы сталкиваемся (и который, кстати, признается марксистами): *все* социалистические революции произошли *не по Марксу*, а вопреки его теоретическим прогнозам. Маркс полагал, что социалистические революции произойдут обязательно в *индустриально развитых капиталистических* странах (где рабочий класс составляет большинство занятого населения) и в *международном масштабе*, а не в отдельной стране, поскольку капитализм – это мировая система, и социализм в одной стране попросту невозможен.

Однако все произошло с точностью до наоборот: социалистические революции победили в *отдельных* и к тому же *слаборазвитых, аграрных* и даже *полуфеодальных* странах (Россия, Китай, Вьетнам, Куба и т. д.). Ни в одной индустриально развитой капиталистической стране социалистическая революция успеха не имела – даже тогда, когда такие попытки предпринимались, как, например, в Германии в 1918 году.
Ленин пытался сгладить это вопиющее противоречие теории с фактами (вернее, на тот момент, с практическими потребностями) учением о неравномерности созревания предпосылок социалистической революции в силу неравномерного развития капиталистических стран в эпоху империализма (хотя это развитие *никогда* не было равномерным) и учением о «слабом звене» в цепи империализма. Однако он, как и Троцкий, считал русскую революцию только началом всемирного революционного процесса и возлагал все надежды на мировую революцию. Известно, какое теоретическое замешательство царило в среде большевиков, когда стало ясно, что западный пролетариат «не поможет». Плеханов, следуя формуле Маркса, полагал, что русская революция «неправильная», ибо в крестьянской стране, без наличия индустриальной и социальной базы, социализм невозможен.

Собственно, эти теоретические позиции, так или иначе, сохраняются в марксистской традиции до сих пор. Одни, следуя большевистской трактовке, связывают неудачу социалистического строительства в СССР с его изолированным положением в мировой капиталистической системе. Капитализм навязывал свои «правила игры» (хотя бы, например, милитаризацию экономики), что и приводило к внутренним деформациям системы. Другие, следуя меньшевистской линии, главную причину неудачи видят в «преждевременности» социалистической революции в отсталой стране. После революции пришлось решать, по сути дела, буржуазные задачи (индустриализация, грамотность), так что на решение собственно социалистических задач просто не хватило внутренних ресурсов.

Однако еще никто не объяснил, почему же все-таки социалистические революции и так называемые социалистические режимы возникли на периферии капиталистической системы в аграрно-сырьевых, индустриально малоразвитых, и даже полуфеодальных странах? Россия, Китай, Монголия, Северная Корея, Вьетнам, Куба, Венесуэла – именно там государство взяло на себя социальные функции, осуществляя политику протекционизма, проводя индустриализацию, ликвидируя неграмотность, осуществляя патернализм по отношению ко всему населению.

Здесь мы сталкиваемся со вторым существенным фактом. Стоит присмотреться к обстоятельствам возникновения социализма в этих странах, чтобы убедиться, что «социализм» утвердился в них в ходе национально-освободительной или антиимпериалистической борьбы и был ее прямым результатом. В России революция явилась следствием империалистической войны и утверждалась не только в гражданской войне (которая была спровоцирована и поддержана *извне*), но и в борьбе с интервенцией девятнадцати (!) иностранных государств. В Китае коммунисты пришли к власти, возглавив борьбу с японскими захватчиками. Во Вьетнаме социализм утвердился в ходе длительной и кровопролитной борьбы с империалистической агрессией – сначала французской, затем американской. На Кубе – в результате борьбы с проамериканским режимом Батисты, превратившем страну в публичный и игорный дом Америки. Ту же картину мы наблюдаем в Ливии, Венесуэле, Белоруссии – везде «социальное государство» возникало в ответ на угрозу утраты национальной независимости или национального уничтожения. И «система социализма» в Восточной Европе тоже возникла в результате *национально-освободительной* войны против антиславянской западноевропейской агрессии.

Эти факты позволяют сделать некоторые выводы. Все так называемые «социалистические страны», каков бы ни был их политический режим и экономическая база, представляют собой *национально-ориентированные* режимы, главная цель которых – сохранение собственной нации, государственности и культуры. Все они возникли как реакция на угрозу национального порабощения. Инстинкт национального самосохранения обусловил проведение однотипной политики, направленной на предотвращение не только военной, но и товарной, валютной, культурной и лингвистической интервенции. Именно в интересах национально-государственного самосохранения

эти страны должны были проводить политику протекционизма и, в известном смысле, «железного занавеса». Главной же внутренней задачей этноса, который сталкивается с внешней угрозой, является обеспечение внутреннего консенсуса за счет снижения уровня *внутриэтнической* конкуренции, или, проще говоря, социального неравенства. Внутренне расколотый этнос теряет способность к совместным действиям и потому оказывается легкой добычей со стороны любой организованной внешней силы.

Исторический опыт показывает, что в конкурентной борьбе выигрывают группы с максимальной внутренней консолидацией. Эта консолидация достигается, прежде всего, за счет снижения внутригрупповой конкуренции. Не случайно, поэтому, успешные этносоциальные группы в той или иной степени практиковали «социализм», т. е. социальную политику, направленную на сдерживание социального расслоения и оказание помощи неимущим.

Так, например, законы Ликурга в Спарте и реформы Солона в Афинах были направлены на достижение именно этой цели – обеспечить консолидацию гражданской общины путем создания жестких барьеров на пути имущественного расслоения. Случайно ли, что именно эти два государства оказались на лидирующих позициях в греческом мире? Вообще специфика социальной политики греческих полисов классического периода заключалась в сочетании довольно жестких ограничений на имущественное расслоение с высокой социальной мобильностью.[5] Такая социальная система в немалой степени способствовала быстрому развитию греческого мира. Она позволила маленькой и нищей Греции успешно конкурировать с геополитическими лидерами того времени – старейшими цивилизационными центрами Востока. Геополитическое противоборство Греции и восточных монархий закончилось греческим завоеванием Ближнего Востока и эллинизацией всего восточного Средиземноморья.

Но бесспорным лидером античного мира оказался Рим. Устройство римской гражданской общины было во многом аналогичным греческой. Длительная классовая борьба между патрициями и плебеями закончилась социальным компромиссом и предоставлением плебеям равных прав с патрициями. Этот обеспеченный «социальный тыл» позволил Риму выйти победителем в международной конкуренции с сильнейшими государствами Средиземноморья: Карфагеном, Грецией, эллинистическими государствами Востока. Правда, социальная подпитка низов осуществлялась в Риме за счет грабежа соседей, но в отношении интересующего нас вопроса важно то, что она, тем не менее, осуществлялась.

Особенно наглядно роль внутриэтнического консенсуса проявилась в ходе Пунических войн, т. е. конкурентной борьбы Рима и Карфагена. Выдающийся карфагенский полководец Ганнибал не проиграл почти ни одного сражения в Италии и, тем не менее, проиграл войну с Римом! Битва при Каннах была национальной катастрофой для Рима: там погибло порядка 70 тысяч человек (и 16 тысяч взято в плен) – 1/7 часть боеспособного населения римского государства. Рим, однако, выстоял, а Карфаген впоследствии был разрушен римлянами до основания.[6] Немецкий историк Теодор Моммзен усматривал причину этого парадоксального явления в близорукой, мелочной, своекорыстной

политике карфагенских правителей. Олигархический строй Карфагена, резкая социальная поляризация финикийского общества исключали возможность совместных усилий ради общенационально интереса. Собственно, такого интереса для внутренне разобщенной этнической группы и не существовало. Социальный эгоизм олигархической верхушки, равнодушной ко всему, кроме собственного барыша, и социальная апатия низов, задавленных нуждой и исключенных из политической жизни, в совокупности привели к национальному краху. Пример Карфагена и Рима весьма показателен. Мощная Карфагенская держава, располагавшая всеми финансовыми и материальными возможностями, проиграла в национально-государственной конкуренции по причине отсутствия социального консенсуса. Рим, которому удалось достичь (хотя и временно) социального компромисса и снизить накал классовой борьбы, т. е. уровень внутриэтнической конкуренции, стал властелином мира.

Аналогичную картину представляют события второй мировой войны. Тактика Гитлера в геополитической борьбе была весьма продуманной. Подготовку к войне он начал с социальной консолидации нации: покончил с безработицей и нищетой, обуздал преступность, создал эффективную систему вертикальной мобильности (путем создания молодежных и партийных организаций, позволявших способным людям быстро продвигаться по карьерной лестнице). Не упустил он из вида и внешних атрибутов равенства: в национал-социалистической партии официально было принято обращение «товарищ» («геноссе»). Только обеспечив крепкий социальный тыл, Гитлер решился на внешнюю экспансию. И она была весьма успешной – до поры до времени – пока он имел дело с национально-государственными организмами, подточенными внутренней конкуренцией. Общеизвестно, что при нападении на СССР главный расчет Гитлера был на социальный антагонизм внутри советского общества (коллективизация, репрессии). Гитлер рассчитывал на то, что общество, находящееся в состоянии затяжного внутриполитического конфликта, окажется неспособным к организованному отпору. Но он недооценил консолидирующих сил советского общества: государствообразующей нации, партийно-идеологической системы, низкой конкурентности социальной среды. Расчет оказался просчетом, который привел к краху Третьего рейха. Новая римская империя не состоялась.
Правда, претенденты на мировое господство не перевелись. Не случайно в вышеупомянутой дискуссии о социализме прозвучала мысль, о том, что Запад выиграл «соревнование» с соцлагерем по той причине, что у него «социализма» оказалось больше, чем в СССР.[7] Вывод вовсе не крамольный, хотя и требует весьма существенного уточнения. Образование СССР, а после второй мировой войны – стран социалистического содружества действительно превратило эти периферийные, аграрно-сырьевые придатки индустриального Запада в серьезных конкурентов развитых стран. Нельзя сказать, чтобы Запад совсем утратил позиции исторического лидерства, но он был серьезно потеснен в этом качестве. Экономические потери тоже были велики: западные компании утратили и рынки сбыта, и прибыли от промышленных предприятий, и контроль над источниками сырья. В

случае же прихода к власти в западных странах радикальных левых сил ситуация вообще могла стать катастрофичной для капитала.

В этих исторических условиях: наличия мощного геополитического конкурента и возможности внутриполитического кризиса, единственная тактика, которая могла предотвратить крах капитализма – это политика «дозированного социализма». Западные режимы в целях собственного выживания должны были снижать накал классовой борьбы, т. е. уровень внутриэтнической конкуренции. Чтобы окончательно не утратить выигрышных позиций по отношению к новым историческим конкурентам, политическое руководство западных стран вынуждено было создавать более высокие жизненные стандарты для своего среднего класса. Среди индустриально развитых стран Запада практически не осталось государств, которые бы не были «социальными». Но как только с распадом СССР и восточного блока угроза внешнеполитической конкуренции резко снизилась, «социальное государство» на Западе тоже пошло на убыль. Это говорит о том, что сам феномен «социального государства» есть ни что иное, как инструмент национальной борьбы, к которому в равной степени прибегают (с большей или меньшей степенью сознательности) обе противоборствующие стороны.
Социализм является защитной реакцией именно слабых наций, которые с его помощью укрепляют свой национальный иммунитет. Но и нации-лидеры в условиях обострения геополитической конкуренции по необходимости используют, то, же средство. Большая эффективность западного «дозированного социализма» объясняется вовсе не тем, что социализма там было «больше», а теми источниками финансирования социальной политики, которые использовали западные страны. Мы уже упоминали, что милитаристский Рим, эта нация-воин, финансировал свою социальную политику за счет внешних захватов и грабежа колоний. На этом держался внутренний консенсус римского народа. Аналогичным образом дело обстояло и в западных странах. Вроде бы никто не скрывает того факта, что Запад, начиная с эпохи Возрождения, а, вернее, с эпохи Великих географических открытий, жил грабежом целых континентов, вывозя оттуда сначала горы золота, а затем горы всевозможного сырья. Вообще, эти события: великие географические открытия, эпоха Возрождения и начало западноевропейского капитализма, – как-то подозрительным образом совпадают. Еще большой вопрос, какова была бы динамика развития западного общества, если бы оно на протяжении пятисот лет не имело этой колоссальной внешней подпитки. Думается, что судьбы капитализма в этом случае были бы не столь успешными. Ведь что касается внутренних резервов западных стран, то в самой Европе уже давно ничего нет, кроме норвежской селедки да кое-каких остатков нефти и угля. Система колониализма, а затем неоколониализма – вот мощный дополнительный резерв западного развития, которого никогда не имели социалистические страны.

Этого колоссального резерва не было не только у Кубы или Болгарии, его никогда не было и у Советского Союза. И если младшие члены

социалистической семьи ещё могли получать подпитку от «большого брата», то сам «большой брат» был начисто лишен такой возможности. По сути дела, СССР был чем-то вроде добровольной колонии стран социалистического содружества, продавая по бросовым ценам свое энергетическое и минеральное сырье и оказывая кадровую поддержку, часто совершенно безвозмездно. Бывшие социалистические страны отплатили за это черной неблагодарностью, что подтверждает старую истину, что добро никогда не остается безнаказанным. Прав был Лайош Мештерхази со своей «загадкой Прометея». Ах, да, был же «идеологический диктат». А у Америки его нет?! Но американский идеологический диктат сочетается с финансовой кабалой и сырьевым паразитизмом, усиливая «диктатора» и ослабляя его сателлитов.
Что касается СССР, то он мог использовать для проведения социальной политики только внутренние ресурсы, что в немалой степени влияло на более низкие жизненные стандарты населения. Даже левацкие группы, вроде выродившегося троцкизма, любящие пошуметь насчет «советской империи» и поразглагольствовать о «внутренних (!) колониях» российской «метрополии», не могут привести ни одного реального *факта*, подтверждающего эти крикливые заявления. Факты убеждают в обратном: на всем протяжении советской истории «метрополия» была донором для других национальных республик (то есть их колонией), а Советский Союз в целом – донором для других социалистических стран. Учитывая эти существенные поправки о различии в источниках финансирования социальной политики, можно согласиться с утверждением, что в соревновании западного и восточного блока победил *социализм*! Ибо главная привлекательность западных стран для их восточноевропейских соседей заключалась не в безработице, конкуренции, мигрантах, монополиях, а в более высоких жизненных стандартах широких слоев населения, что было результатом «социального государства».

Правда, здесь могут упрекнуть в некорректном использовании терминов. Если на Западе социализм и на Востоке социализм, то где же тогда капитализм? Действительно, следует различать социализм как чаемую социальную *систему* (которая и в самом деле существует пока только в теории) и как известное и давно практикуемое социально-историческое явление: как политику, направленную на социальную консолидацию национально-государственного организма (этнической группы). Говоря привычным для марксистской традиции языком, политику «классового мира», классового компромисса, призванную сдерживать социальное расслоение и сглаживать наиболее резкие проявления социального неравенства. Впрочем, между ними нет такой уж непроходимой границы. Скорее, они соотносятся как разные генетические формы – высшая и низшая – одного исторического вектора развития. К социализму как политике национальной консолидации вынуждены прибегать всякий раз, когда нация хочет занять более выгодные позиции в конкурентной борьбе или избежать угрозы внешнего порабощения. Социализм – это инстинкт национального самосохранения, который обостряется в минуты национальной опасности.[8]
Мы уже видели на примере древних государств, как политика

социальной интеграции помогала им в конкурентной борьбе, и, наоборот, как социальная дезинтеграция приводила к национальному краху. Специфика этого этапа заключалась в том, что социальная политика и практика социальной помощи распространялась здесь только на привилегированные группы, а не на все население в целом. Узко-племенное деление сохранялось как пережиток во всех древних государствах. Более радикальную социальную программу принесли с собой мировые религии, что и обеспечило им такой повсеместный успех. Принцип социальной помощи они распространили на всех единоверцев, возводя «помощь ближнему» в ранг обязательной нормы поведения. Со временем выявилась ограниченность этого «религиозного социализма». В условиях многоконфессиональных государств ограничение социальной помощи рамками одной религиозной общины сделалось анахронизмом. Кроме того, недостаточность религиозного социализма заключалась в том, что социальная помощь не носила юридически обязательного характера, а рассматривалась лишь в качестве моральной обязанности верующего. Это делало её непостоянной, крайне изменчивой и целиком зависящей от личных качеств индивидов. Религиозный принцип оказания социальной помощи был преодолен и расширен до масштаба всего населения государства в целом – без изъятия каких-либо религиозных, национальных и социальных групп. Эта стадия в развитии социального государства и есть современный социализм. Его отличительная черта – сознательность и всеобщность в проведении социальной политики. Таким образом, современный социализм представляет собой теоретическое обобщение предшествующей исторической практики и возведение её в степень осознанной государственной политики.

Следующим этапом на пути социального строительства должно стать распространение социализма на область национально-государственных отношений. Правда, социалистические принципы практиковались в области межгосударственных отношений уже странами восточного блока. Но в этой сфере давление национально-государственной конкуренции ощущалось сильнее всего, поэтому добиться гармонии интересов удавалось далеко не всегда. Советско-китайские, советско-югославские и прочие конфликты тому подтверждение. Но была бы политическая воля. О социализме как мировой системе станет возможным говорить тогда, когда не только внутриэтнические, но и межэтнические отношения будут строиться не на принципе конкуренции, а на принципе кооперации.
Таким образом, основной вектор исторического развития или, если угодно, исторической *эволюции* заключается в распространении социализма как практики социальной кооперации и взаимопомощи на все большее число людей и все большие области жизни. Сначала он практиковался внутри узкой родоплеменной группы, затем – внутри отдельного социального слоя свободных граждан; мировые религии распространяют его на общину верующих; современные социальные государства – на все население страны без изъятия. Следующий шаг – кооперация на межгосударственном уровне.

Удастся ли человечеству сделать этот шаг? Если да – оно поднимется на новую ступень исторического прогресса. Если нет – прогресс останется нереализованной исторической возможностью. Не всякое развитие есть прогресс, эволюция, т. е. повышение уровня организации. Развитие может носить и характер инволюции, т.е. понижения уровня организации. Крушение цивилизаций, исчезновение этносов – явление заурядное в истории. По подсчетам современных историков, из четырех десятков когда-либо существовавших цивилизаций в «живых» осталось не более семи. Если западному капиталу вкупе с буржуазно-чиновничьей кастой удастся окончательно добить Россию, то это количество сократится еще на одну.

Одно можно сказать с полной уверенностью: процессы, которые мы наблюдаем в современной России, восточной Европе и вообще повсюду, где утверждается господство транснационального капитала, представляет собой колоссальную историческую *инволюцию*, т.е. осуществление вектора развития, диаметрально противоположного прогрессу. Дело даже не в нищете населения самой по себе (в России всегда жили бедно) и не в благополучии отдельных групп, особенно непристойном на фоне этой всеобщей нищеты и вымирания нации, а в понижении уровня социальной организации общества, в переходе с более высокого уровня развития на более низкий. Переход от «социального государства» к государству - «ночному сторожу» (а на деле – грабителю среди бела дня) и есть *возврат* на уже пройденную историческую ступень. Закономерно, что эта гигантская социальная инволюция сопровождается катастрофической деградацией человеческого материала. Подобно тому, как инволюционные процессы в неживой природе характеризуются распадением молекулярных и иных связей сложного целого, так и социальная инволюция приводит к распаду человеческих отношений на макро - и микроуровнях.

Теперь, после всего вышесказанного, мы можем вернуться к уяснению того парадокса, о котором шла речь в самом начале. Почему все социалистические революции произошли не «по Марксу», а вопреки его теоретической схеме: не в индустриально-развитых, а аграрно-отсталых странах? Ошибка в прогнозе объясняется тем, что Маркс видел только одну сторону проблемы – внутрисоциальную, но совершенно выпускал из вида геополитический аспект. Для Маркса, как позже и для Ленина, национально-государственная конкуренция была лишь продолжением и превращенной формой «буржуазной» (хотя исторически межэтническая конкуренция намного старше классовой борьбы вообще). Ленин обозначил эту национально-государственную конкуренцию понятием «империализм», рассматривая её в качестве особой стадии развития капитализма. В любом случае, для теоретиков марксизма геополитические конфликты не имели самостоятельного значения, а являлись лишь производной формой внутрисоциальных. Отсюда – упование на более развитые в техническом и социально-историческом отношении общества.

Но как раз в технически передовых странах, занимавших наиболее выгодные позиции в конкурентной борьбе, потребность в социализме, национальном консенсусе за счет снижения внутриэтнической конкуренции была минимальной. Гораздо сильнее она ощущалась среди наций-изгоев, в «периферийных», неиндустриальных странах, не

имевших исторических перспектив при сохранении системы международной капиталистической эксплуатации. Точно так же как христианство зародилось среди беднейших слоев населения, жаждавших морального реванша, так и социализм стал стратегией и тактикой беднейших стран, жаждавших исторического реванша. Для таких стран социализм был единственно приемлемой политикой, способной обеспечить им суверенитет и прорыв на исторически передовые позиции.

И в самом деле, что требовалось нациям, не пожелавшим оставаться на обочине истории, для «преодоления отсталости» или, иначе, для создания более благоприятных условий для национального развития? Необходима была такая система отношений, которая, во-первых, резко снижает уровень внутриэтнической конкуренции, что создает почву для совместного решения общенациональных задач; во-вторых, создает «синэргийный эффект» в обществе («эффект кооперации») за счет организации и сложения в единый вектор ранее раздробленных и конкурирующих друг с другом индивидуальных сил; в-третьих, обеспечивает более высокую вертикальную мобильность; в-четвертых, более равномерное и справедливое распределение ресурсов развития (материальных и культурных благ) и, в-пятых, обеспечивает защиту национального рынка и национальной культуры. Это была единственная политика, которая давала возможность аграрно-сырьевой стране противостоять экспансионистской политике индустриально развитых держав.
В этом плане чудовищной нелепостью является утверждение, будто социализм был великим злом для России. Он был её великим благом и позволил полуфеодальной стране, истекшей кровью в двух мировых войнах, пережившей к тому же кадровые потери в трех революциях, гражданской войне, внутриполитических и межэтнических конфликтах, стать одной из двух супердержав мира. Революция в России была совершенно «правильная». И то, что она произошла не «по Марксу», нисколько не умаляет её значения. «Отсталость» была не только не помехой революции, а, наоборот, её главной причиной. Русская революция и была вызвана к жизни, прежде всего потребностью борьбы с национальной отсталостью. С этой задачей она справилась – и в этом её историческое значение. «Закат России» начался не в 1917 году, а в 1991. Никакие потоки лжи не могут замазать уже очевидный для всех инволюционный характер нынешнего пути развития страны.

Скажут: а пример Японии? Но он не опровергает сказанного. Япония шла по пути «дозированного социализма», умеряя внутриэтническую конкуренцию корпоративной и общинной солидарностью. Да и не японцы выиграли вторую мировую войну, не они полетели в космос, не они создали первый спутник, первый атомный ледокол, первую атомную электростанцию. Цивилизационная роль Японии в XX веке не идет ни в какое сравнение с той ролью, которую сыграл в мировой истории Советский Союз.

В огромном количестве научных и публицистических работ (в том числе, и в выступлениях участников конференции) без конца и на все лады повторяется тезис о «крушении социализма». Дескать, социализм потерпел поражение, разбит, дискредитирован. Этот тезис приобрел прочность предрассудка. Но в, то, же время многие подвергают сомнению, а, то и вовсе отрицают «социалистичность» советского строя. Что же получается: социализма не было, но он потерпел поражение. Весьма логично.

Неплохо бы разобраться, что же на самом деле произошло. Когда некоторые участники дискуссии предлагали отказаться от терминов «социализм» и «капитализм» ввиду их «устарелости», в этом есть определенный резон. Но не в том смысле, что нет таких явлений, как социализм и капитализм, а в том, что конфликт «социальных систем» и в самом деле маскировал другой, более фундаментальный, конфликт – геополитический. Более фундаментальный потому, что социальный строй может меняться, но «Запад есть Запад, Восток есть Восток, и с мест они не сойдут». Нации остаются, остается и различие их интересов, независимо от характера политического стоя и социальных систем.
Противоборство двух социальных систем было идеологически замаскированной и превращенной формой давнего геополитического противоборства Запада и России. И даже шире – индустриально развитых держав со своей бывшей зависимой и полузависимой периферией, власть над которой Запад мечтал вернуть в свои руки. Вот почему с «поражением социализма» Запад не только не «подружился» с Россией, а, напротив, придвинул свои военные базы к самым её границам. Вещь необъяснимая, если пытаться понять её в категориях «социального противоборства», но *закономерная*, если исходить из геополитической точки зрения.
На самом деле потерпел поражение вовсе не социализм. Наоборот, опыт последних полутора десятилетий доказал *абсолютное превосходство* социального государства как формы организации общества над рыночной экономикой. Потерпел поражение восточный блок, т.е. экономический и военно-политический союз восточноевропейских государств. Не социализм потерпел крушение, а Советский Союз, Россия, а вместе с ней – вся восточная Европа. Под лозунги о «крушении социализма» крушили Россию. Именно она была истинной целью, а «социализм» - только идеологическим прикрытием этой акции. Немногие это поняли. Большинство не поняло до сих пор и продолжает анализировать действительность в неадекватных теоретических схемах.

Если спившаяся нация во главе со спившимися лидерами утрачивает все – не только ум, честь и совесть, но даже инстинкты, кроме половых, то в этом виновата только она сама, а не Маркс и Энгельс. Политическое невежество, политическое легковерие, политическая апатия, политический маразм характеризовали поведение как «верхов», так и «низов». Возможно, социализм, создавший ощущение

безопасности и социального комфорта, и был в какой-то степени повинен в притуплении инстинкта национального самосохранения, но в столь масштабной и длительной утрате национальной ответственности нация должна винить только саму себя. Никто не обязан решать за нас наши национальные проблемы.

Таким образом, опыт XX века показал, что в реальности дело обстоит обратным образом, чем в теории: не «национальное» служит превращенной формой «социального», а, наоборот, социальная политика служит средством решения национально-государственных задач. Социальной политике, нацеленной на социальный консенсус, приходит конец тогда, когда разрывается связь с национальными интересами. А это, в свою очередь, происходит тогда, когда капитал становится полностью *интернациональным*. Именно интернациональный характер денежного капитала делает его национально «отвязанным», а потому социально безответственным. Старая марксистская дихотомия труда и капитала сегодня принимает форму не только социального, но и геополитического антагонизма. Ведь современный финансовый капитал интернационален, тогда как труд и производство национальны.

Таким образом, «социальное» и «национальное» жестко взаимосвязаны. Пока сохраняется «национальное» мышление, сохраняется и социально-ответственное мышление и наоборот. Социальная политика служит средством достижения национальных целей и определяется положением нации в конкурентной борьбе. Социализм является средством защиты слабых наций от конкуренции сильных; рыночная экономика – средством разрушения национальных границ. «Свободный рынок» – это привилегия стран, не имеющих реальных международных конкурентов. Вот почему он остался в прошлом. В современном мире «свободный рынок» – это троянский конь, приносимый в дар осажденной крепости. По отношению к «своим» его свободу, так или иначе, ограничивают, используя тактику «дозированного социализма». Так называемый «глобальный рынок» – это бандитский лом, взламывающий «национальные сейфы» с золотом, алмазами, нефтью, древесиной, черными и цветными металлами и тому подобными вещами.

Не случайно глобальный капитал, стремящийся прибрать к рукам все национальные рынки, ведет оголтелую антикоммунистическую пропаганду. Не случайно его адепты, если не сказать – агенты, проповедуют на всех углах конкуренцию, рынок, индивидуализм – все то, что подрывает национальное единство и национальный суверенитет. Социализм – спасение исторически запаздывающих наций, антикоммунизм – орудие их уничтожения. Кто не хочет гибели своей нации – тот должен быть за социализм. Кто желает победы своей нации, тот должен быть за социализм. Национальное предательство и антикоммунизм – слова-синонимы. Пятая колонна и антикоммунизм – явления однопорядковые. Способствовать поражению своей нации и проповедовать ей антикоммунизм – делать одно дело.

Все так называемые социалистические страны – и бывшие и ныне существующие – представляли и представляют собой национально-ориентированные режимы, призванные защитить национальное производство и национальную культуру – эти основы национальной жизни – от посягательств инонациональных сил. В современных

условиях отсутствие социального государства – признак оккупированной страны и побежденной нации. Социализм есть главное средство национально-государственной независимости. Разрушение социального государства ведет сначала к национальному расколу, а затем – к национальному порабощению. Забвение этой истины – прямая дорога к Карфагену.

---

[1] См.: Альтернативы, 2007. № 1. С. 69 – 87. Ссылки на это издание даются в тексте с указанием страницы.

[2] Так, например, Лев Гумилев в одной из своих работ довольно ядовито высказывался относительно принципов марксистской историографии: « …в древности были рабовладельцы и рабы. Рабовладельцы были плохие, но им жилось хорошо; рабы были хорошие, но им было плохо. А крестьянам жилось хуже. Все это, конечно, правильно, но вот беда … это не объясняет, например, почему одни армии одерживали победы, а другие терпели поражение, и отчего одни страны усиливались, а другие слабели. И, наконец, почему возникали могучие этносы и куда они пропадали…». (Гумилев Л. Н. «Этногенез и биосфера Земли». – Л.: Гидрометеоиздат, 1990. С. 14-15). Методологический эклектизм Гумилева не позволил ему удовлетворительным образом ответить на эти вопросы, но он шел в правильном направлении: по пути анализа этнической истории.

[3] Этот давний конфликт можно пояснить реалиями сегодняшнего дня. Аналитики предсказывают, что к 2025 году развернется грандиозная битва за энергетические ресурсы между США, Китаем и другими геополитическими тяжеловесами: Европейским Союзом, Индией, Японией. Ни «социальные системы», ни «классовая борьба» здесь ни при чем – это межэтническая конкуренция на экономической основе.

[4] Конкуренция как социальное явление не означает, что общество держится исключительно благодаря ей. Скорее, это центробежная социальная тенденция, которая становится разрушительной силой, если не уравновешивается прямо противоположной – центростремительной силой. Если конкуренцию индивидов и социальных групп не сдерживать путем юридических законов, моральных и культурных запретов, системой воспитания и другими средствами социальной консолидации, такое общество придет к саморазрушению и исчезнет с лица земли. То же самое верно и в отношении национальной конкуренции. Если разрушить систему международных юридических запретов, моральных и культурных преград на пути межэтнической конкуренции, – вся земля превратиться в битву народов, при помощи ножа и топора решающих свои экономические проблемы. Однако, если перед фактами не следует преклоняться, то с ними следует считаться. Не стоит делать вид, будто межэтническая конкуренция – это выдумка расистов. За политическую

наивность в таких вопросах приходится платить слишком большую цену – цену человеческой крови.

[5] Самой важной законодательной мерой, препятствующей социальному расслоению гражданской общины, был запрет долгового рабства для единоплеменников. Препятствовали этому и различные литургии – денежные и натуральные повинности богатых граждан, часто весьма разорительные (устройство театральных представлений, праздников, строительство флота) – своего рода античный аналог прогрессивного налогообложения. Возможность вертикальной мобильности обеспечивала система общественного образования, доступного для всех свободных граждан, даже беднейших (явление уникальное в древнем мире), и состязательный принцип занятия должностей. Понятно, что античная демократия носила ограниченный характер: она касалась только свободных и полноправных граждан. Женщины, иноплеменники и рабы (как правило, тоже иноплеменники) стояли вне политической жизни гражданской общины.

[6] Не видевшие дальше своего кармана финикийские олигархи отказались прислать деньги и военное подкрепление войску Ганнибала в Италии. В итоге Ганнибал вынужден был покинуть италийский полуостров. Моммзен в «Истории Рима» указывает, что именно уничтожение среднего класса олигархическим капиталом, т.е. резкая социальная поляризация, послужила причиной упадка всех основных цивилизаций античности: «…везде, где в рабовладельческом государстве вполне развивается господство капитала, оно одинаково опустошает прекрасный мир божий. …Италия цицероновской эпохи, по существу, похожа на Элладу эпохи Полибия и ещё более на Карфаген эпохи Ганнибала, где совершенно таким же путем всемогущий капитал довел средний класс до уничтожения, а торговлю и земледелие поднял до крайних пределов процветания, и под конец привел к лицемерно прикрытому нравственному и политическому падению нации». (Моммзен Т. История Рима. Т. 3. – СПб.: Наука, 1995. С. 360-361).

[7] Некоторые участники дискуссии отстаивали идею о том, что «американская система содержит больше социализма, чем было в СССР. Это можно проследить по самым различным направлениям – планированию, общественным фондам, роли научно-технического прогресса. И в этом смысле более совершенная социалистическая система победила более убогую» (с. 73).

[8] Пример современного Китая или Ирана – наглядное тому доказательство. Иран, который представляет собой наиболее вероятную следующую жертву американской агрессии, вынужден принимать меры по укреплению национального консенсуса. Именно к этой цели устремлена политика нового президента Ирана М. Ахмади Нежада. Вот как описывает социальную политику правительства Ахмади Нежада известный публицист А. Казинцев: «Новый президент … почти на треть увеличил расходы бюджета, что позволило на 40% поднять заработную плату. Кроме того, зримо увеличились жилищные субсидии и помощь мелким предпринимателям из депрессивных регионов. Ещё больший размах приобрело ценовое регулирование, в

частности, в сфере продовольственных товаров. …в Иране и так поддерживают низкие цены на основные продукты питания – хлеб, сахар, чай, растительное и животное масло, сыр, мясо, молоко и рис, а цена на бензин не превышает 10 центов». (Казинцев А. Возвращение масс // Наш современник. 2007. № 6. С. 228). Все это, безусловно, социалистические меры и неудивительно, что Ахмади Нежада называют «консервативным социалистом». Неслучайно и то, что победа на президентских выборах исламского «социалиста» совпала с обострением внешнеполитических угроз для Ирана. Дальнейшая судьба этого государства будет во многом зависеть от того, сумеет ли новый президент добиться консолидации иранского общества.

П. Федотова

Участник Rambler's TOP 100
Кольцо патриотических ресурсов

© Интернет против Телеэкрана, 2002-2004
Перепечатка материалов приветствуется со ссылкой на contr-tv.ru

E-mail: info@contrtv.ru